

Томан Ангрей
Минувенне

Андрей Гоман

Мгновение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11774333

ISBN 9785447422011

Аннотация

Что наша жизнь? Это одно лишь мгновение – слова героя, чья история поведаёт о том, как человек превращается в безумца и тирана, погружая целый мир в хаос.

Содержание

Глава I	5
1. Тише, сердце, тише!	5
2. Земную жизнь пройдя до половины...	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мгновение

Андрей Гоман

© Андрей Гоман, 2015

© Дарья Кулешова, дизайн обложки, 2015

Корректор Ксения Ложкина

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Глава I

Dubito ergo cogito, cogito ergo sum¹
Р. Декарт

1. Тише, сердце, тише!

Что наша жизнь? Это одно лишь мгновение. Мы никогда не живем, мы лишь надеемся, что будем жить.² От детства до старости – это лишь мгновение. От колыбели до могилы – это лишь мгновение. Вот сейчас ты молод и полон сил, а проходит лишь мгновение, и ты уже немощный старик. Всё это от того, что человек не умеет жить настоящим, мы живем либо прошлым, либо будущим. Разочарованный человек живет воспоминаниями, тем самым лишая себя радости настоящего. Он с упоением вспоминает о тех прекрасных событиях, что произошли с ним. Бурная молодость, беззаботная жизнь. А сейчас он беспомощный и угнетенный от осознания того, что всё уже позади. И настоящее превращается в тягостную номинальность, а всё вокруг лишь напоминание о былом. Но и жить постоянными грезами о будущем ужасно, до определенного времени человек живет с мыслью, что

¹ «Я сомневаюсь, значит мыслю; я мыслю, значит существую».

² Автор цитаты Вольтер.

в будущем его жизнь изменится, он станет богаче и сможет выбраться из проклятой нищеты. Что еще есть время, ведь тебе всего лишь двадцать один. Или она сможет найти долгожданного принца и осуществить свою мечту о красивой свадьбе. День за днем, год за годом они только и делают, что мечтают, живут будущим, не замечая того, что происходит с ними здесь и сейчас. И в определенный момент проходит мгновение, и он всё еще беден, а она всё еще живет в одиночестве или с кошками. И тогда приходит разочарование, конец иллюзиям и чистое безумие. Вспоминать о прошлом, конечно же, приятное занятие, как и планировать свое будущее. Но бытие устроено таким образом, что человек живет только здесь и только сейчас, забыть или игнорировать это – означает умертвить свое развитие. Вспоминая свою жизнь, я могу с уверенностью сказать, что я так же, как и большая часть людей, не понимал силы мгновения, я строил свою жизнь с позиции «будет», а не «имею». При этом я не мечтал, но чего-то ждал. Даже когда я уже добился определенных успехов, я по привычке не замечал их и смотрел только вперед, жаждал еще, еще чего-то, а я ведь даже и не понимал, чего по-настоящему я хочу. Дайте подобному образу жизни немного времени, и вы достигнете безумия. Безумие появляется очень быстро, оно приходит тихо и дает тебе глоток свежего воздуха, новых ощущений в уже, казалось бы, никчемной жизни. Безумие может оставаться в потаенных уголках вашего мозга, ждать своего часа, и, быть может, ес-

ли вы не знаете, как с ним справиться, оно непременно направит вас в неблагоприятное русло. И тут всё будет зависеть от вас, вашего самообладания и рассудка, вы можете его контролировать или же нет, но итог один, и он весьма печален для вас: вы либо тоните в этом безумии один, или же как тиран тащите за собой целый пароход беспомощных душ. Я скажу честно, я не видел ни одного безумца, что справился со своим проклятием, и я в их числе. Безумие – это сильнейший разрушитель сердец. Для него неважно, кто ты: тихий или бойкий, смелый или труслив, умный или глупый – важно лишь саморазрушение. Его можно сравнить с акулой, что почуяла кровь, она уже не отпустит, оно уже почуяла вашу слабость, склонность. Безумие придумано Люцифером как средство от скуки. Что только человек не творит в безумии, как оно только не калечит судьбы. Самое удивительное, делаем мы всё сами, разумеется, под влиянием внешних факторов, но сами. А Люцифер сидит себе и улыбается, вот знатное развлечение. И бок о бок с безумием тирания. Сущность, от которой плачет мир. Одно другое дополняет, одно без другого не может существовать. С безумием и тиранией не рождаются, их приобретают от неумения жить под влияние внешних факторов. Я безумец и тиран, и я прекрасно знаю, о чем говорю. Я поведаю вам историю о том, как становятся безумцем и тираном. Но я не верю, что она вас чему-то научит, люди не учатся, сущность никогда не изменится – она неизменна. Цель только одна – упростить свой

суд, чтобы Он не тратил на меня свое драгоценное время. По законам жанра в последний час я уверовал.

Я родился в маленьком городке на Дальнем Востоке нашей родины, у города было древнее название Тонис. Тонис располагался глубоко в лесу, здесь был огромный деревообрабатывающий завод. Это обычный город, ничем не примечательный, таких сотни тысяч в нашей стране. Дома были сделаны из серого камня, повсюду был асфальт, а в небе бесконечная пелена из серых облаков. Тонис был мрачным на вид, а жители вечно угрюмыми. Единственное, чем жили здесь люди, – это был завод, всё остальное было производное. Жители были такими же, как и в остальной части нашей родины. Они мало интересовались культурой или спортом, для них было важнее, чтобы многочисленные слухи о закрытии завода не воплотились в реальность. Их день, месяц и год был очевидным и простым. С 8:30 до 18:00 тяжелый труд на заводе. С 18:00 до 20:00 бар: обсуждение слухов, жалобы на то, что не хватает денег, что слишком большие счета, упреки зарубежных стран, реже собственное правительство. Единственная радость работяги – это выпить в баре с друзьями и поболтать. С 20:00 начиналось время телеинтернета, место, где человек получал информацию. Мы социальные существа, мы рождены в информации и должны в ней жить (кто-то даже в ней умирает), а телеинтернет – это то, что помогает людям узнать, пусть и не объективную информацию, но всё же что-то новое. Каждое воскресенье

жители идут в церковь послушать проповеди пастора. Эти люди не хотят много думать и что-либо решать, они не хотят перемен, для них самое важное знать, что завод завтра откроется, что в баре пиво будет стоить ровно 0,99 динариев, что будущее очевидно. Жизнь проста, как стекло, чистая и прозрачная. Никто из этих людей не хочет знать чего-то большего, они не хотят искать сакральную истину, ведь тогда их хрупкий мир разрушится. Они не мобильны, они крайне консервативны в своих принципах, всё новое для них чуждо. Но, несмотря на явные недостатки, на мой взгляд, отсутствие мобильности – это недостаток, люди подобного рода обладают очень сильным качеством – упертостью. Эти люди будут терпеть многое, но, если же они поднимутся, они будут идти до конца. Они будут терпеть боль и страх, они мужественно перенесут все тяготы и сплоченно достигнут цели. И данная черта всем известна, она известна и консулу. Именно поэтому консул держит этих людей на грани нищеты, на том уровне, когда они вроде и довольны и в то же время не в силах просить чего-то большего. Сила массы зависит от силы желаемого. Но в то же время эти люди составляют костяк нашей страны, они являются оплотом консула – это одна из главных особенностей нашей страны, удивительная непонятность, парадокс сознательной бедности и угнетенности. Бедный и замученный от собственной власти народ, до последнего преданный своему консулу.

Вот в таком городе я и родился. Мой отец был таким же

работягой, он был обычным автомехаником и отдал всю свою жизнь этому заводу. Он был суровый и прямолинейный, он всегда говорил то, что думал, за что, бывало, страдал. Он любил выпить, но никогда не напивался до горячки. Он любил свой город и свою страну и всегда считал, что на благо родины почетно страдать. К сожалению, мои отношения с отцом были не такими близкими. Отец относился ко мне не сказать, что с неприязнью, но точно не с теплыми чувствами. Я никогда не понимал, отчего было так, возможно, это связано с тем, что его отношения с бабушкой были ужасными. Отец ненавидел бабушку всеми частями своего тела, каждым кусочком души, бабушка, в свою очередь, ненавидел отца, в такой обстановке отец и вырос. Бабушка умер, когда мне было ровно пять лет, и мы даже не поехали на похороны. Некоторым просто не дано быть родителями, вот про моего отца можно было сказать именно так. Отец всегда полагал, что моя обязанность быть рядом с ним, делать для него всё, что он попросит, у него было, скорее, потребительское отношение ко мне. Я уловил его подход с раннего детства и никогда не пытался этого изменить. Но он всё равно был моим отцом, и я любил его, и, когда он действительно нуждался во мне, я был рядом, даже если он это не ценил. Моя мать, напротив, проводила со мной всё свое время, мне кажется, что я повзрослел очень рано и был вполне самостоятельный, мне было жаль, что мама тратила всё свое время на меня, и я всячески старался исправить это, и, когда я го-

ворил ей об этом, она только улыбалась. Мама была очень образованной, у нее было высшее социологическое образование, она была стройной шатенкой, с чудесными голубыми глазами. В отличие от моего отца, который рос в семье обычных трудяг, мама росла в семье интеллигенции, предки мамы были англичане-аристократы, приехавшие с миссионерской целью. Но, знаете, это были не те аристократы, при виде которых человек плевался, они были действительно отличными людьми и сделали многое для Тониса. Они несли образование и культуру в массы, всячески пытались развивать общество, и не их вина, что люди предпочли залезть обратно на деревья. Мама получила великолепное образование, она обладала манерами и статью, глядя на нее, можно с уверенностью сказать: в этом человеке есть благородство. Родители были не в восторге от выбора мамы, однако не стали противиться выбору дочери. На самом деле это обычная деревенская история, когда девушка-аристократка (по происхождению и уму) выбирает незаурядного и малообразованного парня. Так что по маминой линии я англичанин-аристократ, и, признаться честно, некоторые специфические черты мне передались: умение держать себя, педантичность, стать.

Мама обладала поистине удивительным остроумием, чудесной памятью. Я до сих пор удивляюсь, как же она со своим багажом знаний не получила большой пост. Хотя ответ всё же был очевиден, главным фактором был отец. Когда жена умнее мужа и он это прекрасно понимает, он всячески пы-

тается ее подавить. Морально и порой физически. В нашей семье не было рукоприкладства, не было, потому что мама была очень умной и прекрасно знала, как не допустить этого. Она сознательно была пассивной на госслужбе, она не демонстрировала свои знания и умения, чтобы не злить отца. Это глупо, это большое преступление по отношению к своему таланту и уму, но это цена моего детства, чтобы я не рос без отца или не был свидетелем постоянных издевательств. Мама с достоинством терпела частые упреки отца, его насмешки на почве ее образованности и происхождения, мне было искренне больно за нее, но я всегда боялся вступить, мне стыдно, но в эти моменты я боялся отца.

Я перенял некоторые качества от своих родителей. От отца упрямство, от мамы любовь к рассудительству и учебе. До шести лет я ходил в детский сад, как и все малыши. Детский сад был обычным, обучение было стандартным. С детства нам прививали любовь к родине, к религии. Каждый вторник мы всей группой под руководством воспитательницы ходили в церковь Тен. В нашей стране только две официальные религии – это Тен и это Вей. По своей сути они абсолютно одинаковые. И Тен, и Вей придерживаются монотеизма. И у Тен, и у Вей есть ад и рай. И Тен, и Вей обладают сакральными книгами. Разница лишь в обрядах и в том, как именуется Бог. Их сущность заключается в фатализме, в том, что наши судьбы уже predetermined, нам же лишь остается следовать уже определенным истинам. Были две

простые истины – чтить Закон Божий и закон права. Казалось бы, это вполне неплохая структура, но, как и всегда, страдало исполнение. Жажда права выбора или мысли о нем, считались девиантными: есть определенный алгоритм жизни, начертанный Богом и государством, и человек должен ему следовать, иначе позор, общественное порицание и муки ада. Но, как я уже упомянул, это вполне неплохая структура, но, как это часто бывает в моем народе, нас подводит исполнение. Есть закон, как Божий, так и права, человек обязан его исполнять. Обычные, прописные заповеди, такие как не укради, не убей, веди себя подобающим образом, – всё, что дисциплинирует человека. Законы Божьи и законы права говорят человеку, что хорошо, что плохо. Однако есть большой соблазн внести в этот список, скажем так, что выгодно тебе лично. К примеру, митинг расценивается как проявление неуважения к государству или церкви, как предательство веры и родины, за что ты обречен на ад или на «справедливую в моральном и правовом смысле» кару суда. Критика, как государства или действия церкви, подчеркиваю церкви, а не устоев веры, означает лишь нарушение псевдозаповедей, а не нормальные конструктивные отношения между обществом и институтами государства и церкви. Фатализм проник в самую суть человека, в его принципы мышления. Фатализм пытается умертвить всякую веру человека в то, что он способен жить, как ему хочется, делать выбор исходя из своего личного убеждения. Церковь и государство

давно уже договорились, одни правят душой, другие разумом. Разделяй и властвуй, помните.

До определенного момента я с интересом относился к религии. Я с удовольствием ходил в церковь, с интересом слушал пастора. У нас был хороший служитель церкви, его звали Яков. Ему было, наверное, лет семьдесят, но он не производил впечатление дряхлого и ворчливого старика, скорее, наоборот, он был всегда бодрым и веселым, занимался спортом, много времени проводил в библиотеке. И, в отличие от остальных взрослых, он никогда не навязывал нам религию. Да, он был пастор, и его обязанность была добиться нашего послушания и благосклонности к Тен, но он никогда не делал этого через кнут. Его проповеди были ненавязчивыми, в беседе он был учтив и всегда с юмором что-то рассказывал. Я помню, когда мне было четыре года, в садике, когда я обувался, меня случайно толкнул один мальчик и я со всей злости сказал ему, что он дурак. Мальчик заплакал, и я испугался, напуганный рассказами взрослых об аде, я подумал, что попаду туда за это слово. Я никому из взрослых не рассказал об этом случае. Никому, кроме пастора Якова. Я помню его улыбку так, словно это было вчера, он улыбнулся и сказал мне:

– Андрей, за это ты не попадешь в ад. Но это плохой поступок. Пойми, нельзя делать зло другим не только потому, что ты попадешь в ад, а потому, что это плохо по отношению к другому человеку. Слова могут ранить других людей

не меньше телесного воздействия.

Мне безумно нравился пастор Яков, но другие почему-то его недолюбливали. Когда я подрос, я осознал, почему же к нему относились с нелюбовью. Дело было в его мнении, точнее, в наличии у него иного мнения. Как и мой отец, он был прямолинейным и всегда говорил, что думает. Он часто критиковал правительство, Тен и Вей. Людям это не нравилось, то ли от страха, то ли от убеждений, поди разбери.

С детства нам внушали, что наша главная надежда – это завод, государство и церковь. И мне нравилось это. Это были три принципа жизни Тониса. Я уже мечтал о том, как буду работать на заводе с отцом. Нам демонстрировали фотографии почетных работников завода, рассказывали об их успехах. Раз в месяц к нам приходили действующие работники и рассказывали о своей профессии. А мы, в свою очередь, с огромным интересом слушали их рассказы. Они становились нашими кумирами и примерами для подражания. В шесть лет меня отдали в школу, и уже тогда, под большим впечатлением, свое будущее я видел на заводе. В первом классе, помимо учебы, нам преподавали основы механики деревообрабатывающего станка, в школе впервые нам конкретно начали вдавливать о нашем будущем. О том, что мы опора и надежда нашего города и нашей страны. Вы бы видели лица первоклашек, они были наполнены гордостью и счастьем. Мы – это опора и надежда, звучит красиво и приятно. Первый класс я закончил на отлично, мне нравилось учить-

ся. Мне нравилось проводить время в школе, хоть у меня и были проблемы в общении со сверстниками. Я был очень спокойным и замкнутым, мне было тяжело налаживать контакт. Я был умен не по годам, мне с легкостью давалась школьная программа. Но не общение, с каждой неудачей я замыкался всё сильнее и со временем перестал предпринимать какие-либо действия. Для человека, который с трудом вписывается в общество, жизнь становится тяжелым испытанием, для общества он становится изгоем и целью для издевок. Меня звали зазнобой за то, что я был молчалив, и всем казалось, что я высокомерный.

Первые в жизни летние каникулы я провел у мамы на работе, в архиве министерства образования. В глазах отца я упал, он часто говорил мне об этом, и мне было грустно от этого. Но мама спасла меня от всех невзгод. В архиве было огромное количество книг, была даже запрещенная литература. И мама дала мне первую в моей жизни серьезную книгу, после каждой главы мы обсуждали прочитанное. Я делился с ней своими мыслями, был ли я согласен с автором или, наоборот, был против его суждений. Но каждый свой вывод я должен был аргументировать. Мама мне постоянно говорила:

– Андрей, ты должен быть уверен в том, что говоришь. Ты должен приводить доводы в защиту своих слов, иначе твои слова ничего не будут стоить.

И повторяло одно изречение:

– Что толку в красноречии человека, если он не следует своим словам?

Но при этом мама учила меня, что есть в мире и объективные вещи и никогда не стоит спорить, если ты объективно не прав. Нужно с честью принять это. И слова твои не должны расходиться с делами. Только так можно получить настоящее уважение.

Читая книги и общаясь с мамой, я осознал главную истину для себя. Истину сомнения. Ко всему нужно относиться с сомнением, сомнение – это двигатель твоих мыслей, только с его помощью можно узнать что-то новое. Этот урок сопровождал меня всю мою жизнь. К концу своих первых летних каникул я прочитал Жан-Жака Руссо «Исповедь». Эта книга навсегда осталась в моей памяти, она всегда символизировала теплоту и открытие. Мне становилось тепло на душе, когда я вспоминал, как читал у мамы на работе, за ее старым деревянным столом. «Исповедь» открыла для меня целый мир книг и их философии. Мне было семь, и я жаждал узнавать что-то новое.

Следующие пять лет не принесли в мою жизнь чего-то особенного. Я продолжал учиться в школе на отлично, я так же был изгоем, но я всегда знал, что могу погрузиться в мир книги и поболтать о чем-то очень интересном с мамой. Постепенно она начала учить меня разным наукам. Я стал изучать социологию, риторику, правоведение и общую психологию. За пять лет я прочитал порядка пятисот книг, мама

пока не разрешала мне читать серьезные философские труды, поэтому я ограничивался художественной литературой. Наибольшее впечатление я получил от произведений Френсиса Скотта Фицджеральда, Дидро, Лермонтова, Хэмингуэя, Достоевского и Гюго. Также всё больше внимания я стал уделять стихам. Самое удивительно, что я почти перестал смотреть телеинтернет и проводить время за компьютером. Так я и жил, и мне очень нравилось. Я никогда не придавал большого значения книгам и тем урокам, что в них имелись. Да, я мог сказать о чем эта книга и что автор хотел сказать, наверное, я вполне мог рассказать о тайных смыслах и иронии, но всё же мне просто нравилось их читать, испытывать эмоции от героев и событий. Даже пастор Яков поддерживал мое стремление.

Но удовольствие не может длиться вечно, как бы ты ни хотел его продлить, оно исчезает. В восьмом классе мы узнали страшную новость: у мамы рак. К сожалению, этот рак не излечим. Для меня это был страшный удар, я перестал есть и спать, перестал ходить в школу, с каждым днем меня засасывало всё сильнее в болото депрессии. Мне ничего не хотелось: умирает моя мама, слова тут ни к чему.

Я каждый день навещал ее в больнице, буквально за пару недель она похудела почти на двадцать килограмм, она была очень бледной и слабой. Но она не переставала улыбаться, я видел и чувствовал всем своим сердцем, что ей очень тя-

жело это делать, что порой она отдавала все свои силы этой улыбке. И я не мог не улыбнуться ей в ответ. В этих улыбках была наша связь, мы были едины, это был только наш мир. Она каждый раз спрашивала меня, как мои дела в школе, а я каждый раз врал, что хорошо. Вместо школы я взял все домашние дела на себя, всё сделав, я шел в больницу. Но больше всего меня раздражал мой отец, в больнице он появлялся в лучшем случае пару раз в неделю. Меня бесила его надменность, не был он таким занятым человеком. Хотя, может быть, ему было тоже тяжело, я не знаю. Но его поступки и молчание меня очень сильно бесили. Я ребенок, мне нужна была его поддержка, а он делал вид, что всё так и должно быть. В конце концов мне стало совсем стыдно, что я вру маме, и я признался в прогуливании школы. Мама посмеялась надо мной и велела отправляться в школу, а домашними делами заниматься после. Я послушно выполнял ее волю. При этом я успевал ходить в церковь и молиться, пастор Яков поддерживал меня и молился вместе со мной. По вечерам я читал маме книги, она становилась всё слабее, и ей было тяжело разговаривать, поэтому она практически всегда молчала, а если и говорила, то только короткими фразами. Через несколько дней у нее начались галлюцинации и сильный жар. Но однажды вечером она посмотрела на меня, улыбнулась так, словно всё хорошо, ее карие глаза заблестели, и она сказала:

– Дома, красная, счастье в истине.

На этих словах она впала в кому.

Я не знал, как относиться к этим словам. Я полагал, что мама имела в виду какую-то вещь красного цвета, но я перерыл весь дом и ничего подобного не нашел. А по поводу ее слов, что счастье в истине, я абсолютно не понял. Пастор Яков и все вокруг, у кого я спрашивал, отвечали, что это бредни. Но я не хотел верить, что последние слова моей матери были бреднями умирающего человека, поэтому я принял их на веру на долгие годы, я решил, что, может быть, ее слова помогут мне. Но мама ошиблась, истина не сделала меня счастливым.

Мама пролежала в коме ровно три дня, и, не дождавшись моего дня рождения, она умерла. В день похорон лил сильный дождь, приехали родственники, все сочувствовали мне, но ни одно слово в тот день не заглушило ту боль, что я испытывал. Я ни разу не плакал, я был в глубоком унынии, но так и не смог заплакать. Люди в округе говорили об этом, в какой-то момент пожилые стали упрекать меня. Но самое удивительное – за меня вступился пастор Яков. Отец же продолжал делать вид, что так нам предначертано судьбой. Но я в это не верил и в тот момент, когда пастор Яков сказал мне. Я постоянно говорил себе: «Тише, сердце, тише». Я пытался унять боль, но не получалось.

Ровно через три месяца арестовали пастора Якова, его обвинили в подкупе вышестоящего епископа. Я не верил в эти обвинения, пастору было незачем давать взятку ради повы-

шения, ему было уже глубоко за семьдесят, и всё, что он хотел, – это умереть спокойно. Но вот что удивительно: люди поверили. Чем старше я становился, тем сильнее я разочаровывался в людях, в их умении думать и анализировать. Было очевидно, что пастора арестовали за критику, однако же, люди искренне верили в то, что он дал взятку. Глупые, пусть верят, я не потревожу их слепоту. Спустя время, когда я работал в госаппарате, мне в руки попало дело пастора Якова. И, глядя на его биографию, скажу я вам, мир потерял отличного человека. С раннего детства Яков стремился к общественной жизни. В школе он был старостой и активно занимался общественной жизнью школы. Деревня, в которой жил Яков, придерживалась религии Вей, но не Яков, он увлекался Тен, и жители отреклись от него. Якову пришлось покинуть родные края, но ненадолго. Уже ровно через три года он вернулся в свою деревню миссионером, Яков не хотел навязывать кому-либо Тен, он просто хотел рассказать людям немного нового, чтобы они были чуть добрее и не относились к другим с такой врождённой жестокостью. Никто не может сказать, получилось у него или нет, но то, что жители построили церковь Тен, – это факт. Яков отправился в странствие, и везде, где он был, он рассказывал о своей религии, он рассказывал и о Вей. Он нес миру доброту и честность, знания и образованность. Где бы он ни был, он всегда вспоминал свой дом и трепетно хранил о нем воспоминания. В нашем городе Яков встретил свою любовь, с ней он прожил два-

дцать лет. Она умерла за неделю до его дня рождения, но пастор Яков не уехал и после смерти любимой. Судьба пастора Якова трагична, его расстреляли на закате, ровно через день после задержания. Таких пасторов я больше не встречал.

Со смертью матери доступ в архив мне был закрыт, однако мама успела вынести некоторое количество книг домой. Среди них был Ницше, Вольтер, Руссо, Канетти, Декарт, Спиноза и другие. Я принялся осваивать их, отца практически не было дома. Он не интересовался моей жизнью, а я его. У нас был такой негласный договор: он не трогает меня, я не трогаю его. Иногда, конечно, у него просыпались отцовские чувства и он задавал вопросы о моей жизни, но, по правде сказать, это случалось не чаще двух раз в год. Я был полностью предоставлен сам себе, полная свобода. Чаще у детей в моем возрасте срывало рассудок от такого количества свободы. Но я был другим, я проводил свободное время в библиотеке, в кинотеатре или дома за книгой. Книги заменили мне воспитателей, или, скорее, они показали мне, что такое идеальный мир. К тому же, как я часто упоминал, я плохо уживался со сверстниками, я всё сильнее и сильнее холодел к обществу, к личности. Наверное, вот где сформировалось ядро моего безразличия к окружающим. Я по-прежнему был объектом для насмешек, хоть они уже и были, что называется, отголосками прошлого. Время шло, я рос и формировался как личность, жаль, что в этом никто не принимал участия. Школа стала лишь обычной формальностью,

а учителя никогда не вникали в мой мир, у них своих проблем было достаточно, к примеру, как не умереть с голоду.

Между тем к нам прислали нового пастора, он сразу же вызвал у меня негативные эмоции. Он был из тех людей, что думают только о своем кошельке. Спустя неделю он поднял цены на разные ритуалы, проповеди его было невозможно слушать, и, ко всему прочему, он начал баламутить непонятные дела с одним министерством. Зато ровно через три месяца у него появилась новая машина, а поход в церковь был сродни походу в магазин, на что-нибудь да и потратишь деньги, не ритуал, так очередное пожертвование. Но он был хорошего мнения о церкви и о государстве, поддерживал консула и умел красиво льстить. Любовь к нему пришла очень быстро – кто не любит лести. Красивые слова, что тешат наше эго, опьяняют сильнее лучшего вина. Не сложились у меня отношения с новым пастором, ко всему прочему, он инициировал совет, когда узнал, что я читаю запрещенные книги. А я всего лишь сказал, что мысль Бердяева о фанатизме очень интересна. Совет вынес мне предупреждение, а я усвоил еще один урок: своими мыслями нельзя с кем-то делиться. Наш мир таков, за вольный образ мышления можно получить проблемы. И, вдобавок к этому, я абсолютно разочаровался в религии. Если раньше я верил, что Бог есть, что от наших поступков зависит, попадем в рай мы или в ад, то сейчас мне стало всё равно. Мне было без разницы, существует Бог или нет, попаду я в ад или рай. Рассуждения

на тему религии просто ушли. Пастор Яков бы опечалился от моих слов. Смерть матери, безразличие отца, ложное обвинение пастора Якова, дисциплинарное взыскание за простой интерес к чему-то новому в корне изменили меня. Всё, что осталось от того мальчика, что так мечтал работать на заводе, – это ум и сомнение. Я приобрел хитрость и расчетливость, хладнокровность и безразличие ко всем вокруг. Это базовые черты юного тирана.

Я знал, что у меня крайне мало шансов покинуть Тонис. Этот город стал для меня чужим, а мечты, что были раньше, испарились. Я жаждал покинуть город и этих жителей. Беда была в том, что я не знал, чего мне хотеть. Это очень плохое чувство, когда ты пережил свои мечты, а новые так и не появились. Как в том стихотворении:

*Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.
Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец;
Живу печальный, одинокий,
И жду: придет ли мой конец?
Так, поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один – на ветке обнаженной*

К чему стремиться? Чего желать? Эти вопросы я задавал себе каждый день, и мне было тяжело найти ответ. Ведь я потерял вкус к жизни. Те, кто знает, что все мы здесь обречены погибнуть, не тратят время на пустые мечты... Есть ли смысл в том, чтобы вообще мечтать? Тяжело жить, когда ты не видишь свет в будущем. Но я нашел выход, я решил стать чиновником, и для этого мне нужно было поступить в университет, но сначала сдать экзамены. Поэтому практически всё свое свободное время я проводил в школьной библиотеке. И к экзаменам в одиннадцатом классе я подошел в хорошей форме. Мне всегда казалось, что чиновник – это как раз тот тип людей, что живут, как написано в их регламенте. Он просто обычный вагончик, что катится за своим локомотивом. Ему положено думать в пределах его компетенции, а действовать еще меньше, работа как раз для меня.

Мы сдавали два экзамена, первый был общеобразовательный и делился на четыре предмета. Второй был общесоциальным, его цель была выявить гениев. За него не ставили оценки, он, скорее, был нужен для выявления потенциала ребенка. Позже я обязательно более подробно расскажу о нем, ведь, как оказалось, этот экзамен является важной частью и был специально придуман государством. Скажу честно, в школе преподают особым образом, нам дают только са-

³ Стихотворение А. С. Пушкина.

мое необходимое, а дальше ты уже сам. Сам, как правило, никто не учился, поэтому в целом наше население не отличалось высоким интеллектом. Но мы же знаем, что так нужно. Как говорил один мой знакомый, хомячки должны быть спокойными. Глупый не задает умных вопросов, и, если даже он его задаст, ответа он точно не поймет. А все экзамены были номинальные, сдать их должны были все, но мне нужен был бал, и я его получил.

После был второй экзамен. Я не придавал ему большого значения, для меня он был неважным. Свой потенциал я не хотел демонстрировать, но я и не относился к нему уж с сильным легкомыслием. Наконец отец проявил заинтересованность к моей жизни.

– Когда ты подашь документы в техникум? – спросил меня отец.

– Я не буду поступать в техникум. Я отправил документы в ДВАГС, на управленческий факультет, – ответил я.

Отец был очень удивлен, на несколько секунд он замолчал. Видимо, он решил, что я останусь. И ответ явно ему не понравился. Ему же было это удобно, дома тогда было бы по-прежнему чисто, еда была бы всегда приготовлена, и при этом никто не лезет в его жизнь. А тут бунт, мятеж.

– Зачем тебе это? – удивленно спросил отец.

– Я так хочу, – ответил я.

– Я думаю, тебе стоит идти в техникум, – продолжил отец.

– Я не хочу, – сказал я.

– Мне казалось, что ты мечтал работать на заводе, – с упреком сказал отец.

– Это было в пятом классе. Сейчас я хочу быть как мама, работать в министерстве, – язвительно ответил я.

– Быть заучкой и умником, – с ухмылкой произнес отец.

Я ничего не ответил, мне не хватило смелости что-то возразить, поэтому я просто ушел из дома на пару дней. Я не испытывал тайной злости, я не испытывал ненависти к отцу, безусловно, я злился на свою трусость, на то, что не мог возразить ему, но при этом я не ненавидел его. Скорее, я испытывал грусть и боль, оттого что мой родной отец так относился ко мне. Мне не хотелось видеть отца. Днем я гулял по городу. Я ходил по окрестностям, сидел в парке и читал «Историю Флоренции», затем шел в другой парк и снова читал, обедал я в столовой на свои сбережения. Я подрабатывал тем, что писал различные научные работы на заказ, или библиотекарем. На ночь меня приютил один мой знакомый. Переночевав, я ушел рано утром, отец в это время уходил на работу, поэтому я шел домой с уверенностью, что там никого нет.

Я шел домой, а в животе было сильное урчание, безумно хотелось есть. У моего подъезда стояла черная дорогая машина, явно не из нашего города. В маленьком городе все дорогие машины ты прекрасно знаешь, только в деревне великолепно видно, как живут люди, – кто богатый, кто бедный. В большом городе социальное неравенство не так сильно

бросается в глаза, в маленьком всё наоборот. Поэтому я был уверен, что это машина не из нашего города. Поднявшись на свой этаж, я попытался открыть дверь, но ключ не проворачивался, это означало только одно – дома отец. И этот факт крайне меня огорчил. Я притаился и нажал на дверной звонок. Были слышны шаги, внутри всё сжалось, как же мне было страшно, ведь реакция моего отца могла быть абсолютно разной. Больше всего в жизни я боялся неизвестности, всё не так страшно, когда ты знаешь, что с тобой будет, что тебя ожидает. Может, поэтому люди боятся смерти? Может, поэтому придумали религию? В те секунды, когда отец открывал дверь, мое сердце забилося, как у кролика. Но на пороге стоял другой человек. Это был мужчина тридцати лет, лысый и явно подкаченный. На нем был надет черный классический костюм с черным галстуком.

– Андрей Александрович, а мы вас ждем, – с улыбкой сказал мужчина.

Первая мысль: кто ты? И что ты делаешь в моем доме? А вторая: кто мы? Я завис на пороге, а мужчина добавил:

– Проходите, ваш отец приготовил чудесный завтрак.

И тут я окончательно ошалел, мой отец отродясь ничего не готовил. Мое сердце забилося еще сильнее, кто же они? Видимо, это очень серьезные люди, раз отец со страху приготовил им чудесный завтрак. И тут сердце екнуло от мысли, они еще и меня ждут. Я вошел в квартиру и прошел на кухню следом за мужчиной, а в голове я быстро прокручивал,

что я мог натворить, что такие люди пришли ко мне в гости, и пришел к мысли, что я разделю судьбу пастора Якова. Но я никогда ничего плохого не говорил про церковь, про консула или еще про кого-то важного. И мысли уже метнулись в крайность, я уже начал сомневаться в себе и своей памяти. Может, я кому-то сказал, что я атеист? Нет. Вроде. Может это из-за запрещенных книг? И что же меня теперь в тюрьму за это?

Из прихожей до кухни идти от силы секунд шесть, но я уже со страху перебрал все возможные проступки и даже представил, как меня отправляют в тюрьму. Никогда не забуду этот страх неизвестности.

На кухне уже суетился отец, он поразил меня своей внешностью. Отец всегда был крайне неопрятным, мылся он нечасто, причесывался еще реже, а одежда всегда была неглаженной. А тут: отец выбритый, одежда выглажена так, что на ней ни одной морщинки. Еще и завтрак готовит, прям щебечет на кухне.

За столом сидел еще один мужчина, такой же подкаченный, на нем так же черный классический костюм. Он пил чай или кофе, мне было не до того.

– Андрей Александрович, доброе утро, – сказал мужчина, ставя кружку на стол.

– Доброе, – тихонько и неуверенно ответил я.

Отец взглянул на меня и промолвил:

– Кушать хочешь? Я приготовил глазунью.

– Нет, спасибо, – ответил я. А сам умирал от голода.

– Что ж, тогда я думаю, стоит перейти к разговору. Скажу сразу, разговор будет долгим, но увлекательным. Полагаю, что вам стоит присесть, – сказал мужчина, допивая содержимое кружки.

Я послушно сел напротив мужчины. Отец молча взглянул на меня, затем потупил взгляд, опустил голову и удалился из кухни. Я остался абсолютно один с незнакомыми мне людьми.

– Пожалуй, прежде всего, стоит представиться. Меня зовут Азазель, мужчину, что так равнодушно смотрит на яблоко на столе, зовут Люк.

Я взглянул на Люка, он и вправду уж очень странно смотрел на яблоко. Мне было не по себе, страх одолевал меня всё сильнее и сильнее. Я никогда не видел столь одержимые глаза. От своего страха я только и смог, что выдавить из себя:

– Угощайтесь.

Азазель улыбнулся, Люк же взял яблоко со стола — сколько блаженства было на его лице, когда он ел яблоко. Чуть позже я расскажу о них. Азазель и Люк весьма весомые фигуры в нашем государстве, они отвечают за молодую поросль, за контроль над умами молодежи. И, признаться честно, они великолепно выполняют свою работу, но, к сожалению, такая работа очень сильно меняет людей.

– Что ж, Андрей. Мы представляем министерство по подготовке молодежи к государственным должностям. И от ли-

да всего государства хотим тебя поздравить.

– С чем? – насторожено спросил я.

– Вы великолепно сдали экзамен. Ваш бал составил девяносто восемь. Это очень, очень хороший результат.

– Я рад, – осмелев, сказал я.

– И вы поступили в университет госуправления, – добавил Азазель.

– Спасибо, конечно, – вежливо сказал я, – но я хочу в другой, мне бы хотелось...

Но меня перебил Азазель. Он заулыбался, его улыбка была до самых ушей. Знаете, есть улыбки радости, есть улыбки печали, а это была улыбка злости или, скорее, хитрости. По ней я сразу понял, что выбора уже у меня нет. За меня уже всё решено, и я даже боюсь представить, что со мной будет, если я скажу «нет». А я ведь даже и не хотел сдавать этот проклятый экзамен, я к нему даже особо и не готовился. Может, моя тирания и безумство впитались в кровь, как и гениальность?

– Андрей, вы умный молодой человек. Одно то, что вы освоили самостоятельно столько книг, уже говорит о многом. Поэтому не стоит летать в облаках, я думаю, вы прекрасно понимает, что вы должны делать, – с улыбкой сказал Азазель.

Страх сменился печалью, и снова была печаль. Всю мою жизнь меня окружают только печаль и одиночество. Я хотел быть как мама, занимать небольшую должность в госаппа-

рате и сосредоточиться на своем самообразовании.. Но я
вовсе не хотел именно этого.

2. Земную жизнь пройдя до половины...

– Сколько нам еще ехать? – спросил я.

– Три часа, – с улыбкой ответил Азазель.

– Мне кажется, мы едем уже целую вечность, – возмущенно сказал я.

– А ты расслабься и успокой мысли, – умиротворенно сказал Азазель.

– Почему люди еще не придумали телепорт? – с досадой сказал я.

– Ну почему же не придумали. Придумали и даже испытывали.

– Так чего же мы ездим на машинах, а не пользуемся телепортом? – снова спросил я.

Азазель усмехнулся, затем улыбнулся и сказал:

– Это развлечение не для смертных.

Исчерпывающий ответ, многое в нашей жизни не для простых обывателей. Люк включил радио и поднажал на педаль газа. По радио передавали концерт Вагнера, была чудесная и медленная мелодия. Азазель сделал громче и стал дирижировать руками, словно он дирижер и руководит оркестром. Я же укутался в одеяло и, угнездившись поудобнее на заднем сиденье, закрыл глаза. Еще десять часов назад я был дома и мечтал о том, чтобы поступить в университет. Удиви-

тельно, но я не скучаю по дому. Я не скучаю по отцу и тем людям, с которыми общался. Я перестал бояться неизвестности, и, кажется, я вообще перестал что-либо чувствовать. Сказать честно, меня ничего не связывало с домом, не было никакой нити, что возвращала бы меня к печали при мысли о родных краях. С отцом у меня не сложились отношения, у меня не было друзей, и вряд ли обо мне кто-нибудь вспомнит. У меня никогда не было особой любви к Тонису. Я чист. Порой я приходил к мысли, что мне безразлична моя судьба и не важно, что со мной будет, но лишь обычное человеческое любопытство давало мне хоть каплю чувства, что я еще живой. Было интересно, что это за университет и чему меня там будут учить. Через пару часов я узнаю, а ждать я прекрасно умею.

В кампус университета мы приехали в шесть вечера, уже темнело, а уличное освещение было крайне плохим. Вроде и уличных фонарей много, но на улице всё равно был полумрак. Пока Азазель вызванивал ректора, я осматривал местность. Во дворе кампуса было много зелени и памятников, студентов я практически не видел, было ощущение, что все вымерли. Здания были выкрашены в черный цвет, само здание университета было небольшим, всего два этажа. Рядом стояли две общаги, так же в два этажа. Мрак и тишина, серость зданий производили не очень приятное впечатление. Всё казалось унылым и депрессивным. Но я вырос в подобном месте, поэтому данная среда обитания не угнетала меня.

Из здания университета вышел пожилой мужчина, его звали Филипп. Ему было около шестидесяти лет, он низкий и полный. Внешне Филипп был похож на шар, студенты прозвали его дирижаблем. Он занимал свой пост почти тридцать лет, всегда потакал окружающим и делал то, что от него ждали. Филипп – крайне предсказуемый человек, он никогда не проявлял желания перейти в политику, он никогда не хотел уйти на госслужбу. Его ценили как исполнительного и преданного делу работника. Именно поэтому он и занимает свой пост вот уже тридцать лет. На самом деле Филипп не имел никакого отношения к наукам, он ничего не преподавал, он не имел ученой степени, он вообще с трудом понимал то, что здесь преподавали. Но он был свой человек, человек, который всегда на стороне власти.

Азазель и Люк поздоровались с Филиппом. Азазель представил меня ректору. Филипп улыбнулся мне и сказал:

– Добро пожаловать в университет.

– Спасибо, – ответил я.

– Что ж, мой юный друг, встретимся на выпускном, – произнес Азазель.

Я улыбнулся. Люк пожал мне руку и сел в машину, Азазель сел следом за ним, и они уехали. Увидел я их действительно только на выпускном, но я всегда поддерживал отношения с Азазелем, и он, в свою очередь, всегда приглядывал за мной и моими успехами.

Филипп отвел меня в общагу под номером один и пока-

зал мне мою комнату, мой сосед должен был приехать завтра, поэтому я наслаждался одиночеством. Эта была самая обычная студенческая комната. Две кровати, две тумбочки, два ноутбука, один холодильник и одна полка для книг. Над входной двери вырезана цитата: «Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства». ⁴ Позже нам объяснили смысл этой цитаты: она служила напоминанием того, что мы не должны забывать цель своего пребывания здесь. Но я увидел в этом и другой момент: нужно забыть о свободе раз и навсегда, или ты обречешь свою жизнь на вечные муки совести. У меня не возникло с этим проблем, еще в тот самый момент на кухне я понял, что я больше себе не принадлежу, как и не принадлежат мне больше и мои убеждения.

Рано утром приехал мой сосед, хмурый парень по имени Моро. Оказалось, он, как и я, случайно сдал экзамен. Моро даже не успел распаковать свои вещи, как в дверь постучали. Открыв дверь, я увидел симпатичную брюнетку, ее звали Алёна, и она на ближайшую неделю стала нашим гидом по университету и помощником.

Алёна перешла на третий курс, она прилежная студентка, активистка. Она милая, чуткая и добрая. Удивительно, как можно оставаться здесь таким наивным человеком. Алёна искренне верила в то, что этот университет готовит ценные кадры, которые создадут идеальное государство. Наивно

⁴ Цитат принадлежит В. И. Ленин

и глупо, я только прибыл сюда и уже прекрасно понимал, что здесь готовят послушных солдат, чья задача поддерживать действующий режим. Она невиновна в своем заблуждении, просто ей красиво подали сказку, и она поверила. А то, что эта сказка с несчастливым концом, не сказали.

И вот мы отправились в университет. Признаюсь, я ожидал большего, мне казалось, что университет будет большим. Знаете, таким, как в фильмах. А он очень компактный, студентов очень мало. Было ощущение, что я не в высшем учебном заведении, а в школе. Так же мало людей, так же мало преподавателей. Позже я узнал, что всё не так просто. И нельзя, чтобы в одном университете подобного рода собиралось больше 25 человек. Сюда попадают только люди, способные отлично думать, способные понимать, где черное, а где белое. Мы умнее большей части наших сверстников, и, что мы будем думать, очень волнует государство. Когда много думающих людей собираются в одном месте, это потенциальная угроза – вдруг они захотят перемен, вдруг они задумают революцию. А 25 человек можно легко контролировать, именно поэтому таких вузов очень много по всей стране. Здесь думающего человека направляют в нужное русло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.